
ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14
УДК 340

Дата поступления статьи: 13/III/2019
Дата принятия статьи: 22/IV/2019

А. Г. Безверхов

О НЕКОТОРЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МОСКОВСКОМ ПРАВЕ XVI ВЕКА

© **Безверхов Артур Геннадьевич** (bezverkhov_artur@rambler.ru), доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Имущественные преступления». Автор более 200 научных работ, в том числе монографии «Имущественные преступления» (2002). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики» (2010), «Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности» (2011), «Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года» (2013), «Памятники российского права: учебно-научное пособие. Том IX. Законодательство первой половины XIX века в сфере публичного права» (2017), «Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России» (2018).

Область научных интересов: уголовное право России, уголовная политика, криминология, противодействие экономическим и служебным преступлениям.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике ложного обвинения с целью захвата чужого имущества как разновидности коррупционных преступлений, известных московскому средневековому праву XVI в. На основе анализа публично-правовых актов (уставных и губных грамот), законодательных (Псковской Судной грамоты, Судебника 1550 г.) и иных источников (записок иностранцев о Московском государстве XVI в.) обосновывается отнесение рассматриваемых составов корыстных уголовных правонарушений к группе преступлений коррупционной направленности. Схема преступного деяния предполагала, во-первых, наличие вторичного преступления – заведомо ложных показаний, как правило, от лица уже схваченного разбойника, который указывал на своих якобы «сообщников» из числа заведомо невиновных местных жителей. Во-вторых, изъятие посредством конфискации имущества, принадлежащего заведомо оговоренным и осужденным за соучастие в первичном преступлении. Приобретение части чужого имущества определяло корыстную мотивацию вторичного преступления. В-третьих, особо субъектный состав, ядро которого составляли представители судебной власти и другие должностные лица – своего рода организаторы и активные участники вторичного преступного посягательства. Именно в этом заключалось своеобразие анализируемого деликта, отличающегося такой социально-правовой особенностью, как соучастие во вторичном корыстном преступлении должностных лиц, реализующих свои полномочия в сфере правосудия.

Ключевые слова: московское средневековое право, Псковская Судная грамота, Судебник 1550 г., ложное обвинение, служебные преступления, коррупция, формы коррупции.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Безверхов А. Г. О некоторых разновидностях коррупционных преступлений в московском праве XVI века // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

A. G. Bezverkhov

ABOUT SOME TYPES OF CORRUPTION CRIMES IN THE MOSCOW LAW OF THE XVI CENTURY

© **Bezverkhov Artur Gennadievich** (bezverkhov_artur@rambler.ru), Doctor of Law, professor, dean of the Faculty of Law, **Samara National Research University**, 34, Moscovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Property crimes». Author of more than 200 scientific works, including monographs «Property crimes» (2002). A number of scientific works written in collaboration: «Destruction and damage to property: issues of history, theory, practice» (2010), «Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 18. Crimes against property» (2011), «Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813» (2013), «Monuments of the Russian Law: academic and research manual. Vol. IX. Legislation of the first half of the XIX century in the field of public law» (2017), «Responsibility for crimes against health according to the modern criminal law of Russia» (2018).

Research interests: criminal law of Russia, criminal policy, criminology, counteraction to economic and official crimes.

ABSTRACT

The article is devoted to criminal-legal characteristics of the false accusations with the aim of seizing someone else's property as a form of corruption crimes, known to the medieval law of Moscow of the XVI century based on the analysis of public-law acts (statutory and labial letters), legislative (the Pskov Judicial Charter, Code of Laws of 1550) and other sources (notes of foreigners about the Moscow state in XVI century) substantiates the assignment of the considered compositions acquisitive criminal offences to the group of corruption-related crimes. The scheme of the criminal act assumed, first, the presence of secondary crime of false testimony, usually from a person already arrested robber, who pointed to their alleged «accomplices» of the obviously innocent locals. Secondly, the seizure by confiscation of property belonging to knowingly agreed and convicted of complicity in the primary crime. The acquisition of part of someone else's property determined the selfish motivation of the secondary crime. Thirdly, especially the subject composition, the core of which were representatives of the judiciary and other officials – a kind of organizers and active participants in the secondary criminal assault. This was the peculiarity of the analyzed tort, characterized by such a social and legal feature as complicity in a secondary mercenary crime of officials exercising their powers in the field of justice.

Key words: Moscow medieval law, Pskov Judicial Charter, Sudebnik 1550, false accusation, official crimes, corruption, forms of corruption.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Bezverkhov A. G. *O nekotorykh raznovidnostyakh korruptsionnykh prestuplenii v moskovskom prave XVI veka* [About some types of corruption crimes in the Moscow law of the XVI century]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14> [in Russian].

Задача исторического подхода – установить первоначальное значение и его временные трансформации в целях разъяснения современного содержания юридической конструкции. Если понятие не имеет под собой устойчивых исторических оснований, возникает вопрос о современном правовом смысле этой категории и оснований введения ее в закон. В каждом действующем законе есть элемент прошлого. Не является исключением здесь и современное законодательство о противодействии коррупции. Для понимания действующего антикоррупционного законодательства необходимо обращение к истории его развития.

История противодействия коррупции самым тесным образом соединена с историей возникновения и развития государства – основного политического института управления и власти. Так же и в России, по мере того как шел процесс образования государственности и политической централизации, параллельно ему шли два других процесса. Один, будучи негативным следствием, был связан с появлением и ростом криминогенных явлений в сфере управления и властоотношений. Другой – параллельный и позитивный, сопряженный с развитием правовых норм об ответственности за коррупционные и иные служебные правонарушения.

Важно подчеркнуть, что законодательство о взяточничестве и других служебных преступлениях с самого начала своего возникновения выполняло две функции. С одной стороны, оно обеспечивало охрану прав и свобод граждан от служебных злоупотреблений. Оно было правовым средством защиты от необоснованного властного принуждения. Это исходное предназначение рассматриваемого института, который представлял собой систему барьеров и преград на пути неправосудия власти. Нормы об ответственности за коррупционные (служебные) правонарушения развиваются под влиянием ограничения власти правом.

С другой – оно было сориентировано на укрепление государственной централизации, охраняло политический централизм и предупреждало удельный (региональный) сепаратизм. Борьба со взяточничеством – это не только защита населения от «кормленщиков», но и обеспечение приоритета общегосударственного интереса над частным, так как взятка есть не что иное, как противоправное средство реализации частного, личного интереса в ущерб публичным основаниям [1, с. 72–73].

Одной из актуальных для историко-юридической науки задач является выявление конкретно-исторических форм правонарушений коррупционной направленности. Основная цель – выработка более полных и системных знаний об этой группе преступных деяний и более эффективного противодействия им в современных условиях. Как говорится, прошлое толкует нас. Отдельные составы преступных деяний коррупционной направленности (к примеру, «посулы», «лихоимство») достаточно хорошо известны науке и подвергались подробному анализу еще в работах дореволюционных отечественных исследователей [2–5]. Понятно, что современный уровень развития юриспруденции позволяет посмотреть на них под другим углом зрения и уточнить их социально-правовую характеристику. Между тем в рамках настоящей научной статьи предпринята попытка юридико-догматического анализа прежде всего тех первых разновидностей коррупционных нарушений в московском средневековом праве, которые не рассматривались историко-юридической наукой. Они начинают привлекать внимание современных исследователей, хотя изучение их пока что носит фрагментарный характер [6, с. 12–15].

Так, в системе московского средневекового права XVI века имело место такое преступление, как ложные обвинения в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества. В уставной грамоте, данной Соли Переяславской посадским людям 1555 г., заявляется о широком распространении этого преступления: «... меж их поклепы и тяжбы были великие, да от того на посадах многие крестьянские дворы и в уездах деревни и дворы позапустили» [7, с. 110]. В грамоте переяславским рыболовам 1555 г. содержится норма о восстановлении судебных пошлин, что должно было стать препятствием для наведения безосновательных обвинений («безлепичных поклепов») [8, с. 10].

Сама схема преступного деяния предполагала, во-первых, наличие заведомо ложных показаний, как правило, от лица уже схваченного разбойника, который указывал на своих якобы «сообщников» из числа заведомо невиновных местных жителей.

Во-вторых, изъятие посредством конфискации имущества, принадлежащего заведомо оговоренным и осужденным как разбойники. Именно приобретение части чужого имущества и определяло корыстную мотивацию этого преступления.

В-третьих, особо субъектный состав, ядро которого составляли представители судебной власти и другие должностные лица – своего рода организаторы и активные участники рассматриваемого преступного посягательства. Именно в этом заключалось своеобразие данного деликта – он всегда осуществлялся с непременным участием субъектов власти, прежде всего тех, кто вершил на местах правосудие. Благодаря этому удавалось добиваться необоснованного осуждения заведомо невиновных в целях незаконного завладения частью их имущества. На эту особенность рассматриваемого посягательства указывал Г. Штаден, который утверждал, что в практику осуществления этой преступной схемы были вовлечены как местные должностные лица, так и представители административно-судебной власти на центральном уровне управления. При этом Г. Штаден отмечал, что жертвами становились «торговые люди и богатые крестьяне». Это вполне соответствовало сведениям уставных грамот, где также речь шла о запустении посадских дворов и дворах «в уездах» [9, с. 383].

Следует подчеркнуть, что законодательство того периода четко различало судебную ошибку и сознательное осуществление неправого суда. Статья 2 Судебника 1550 г. трактует совершение судебной ошибки следующим образом: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно, или писок подпишет и правую грамоту даст ... в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдать» [10, с. 97]. Однако в первой статье этого же законодательного акта содержится норма, восходящая к присяге судебного должностного лица по Псковской Судной грамоте, которая вводит запрет, а соответственно, и наказуемость сознательного нарушения принципа беспристрастности суда – наличия личной заинтересованности: «А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати...» [10, с. 97].

Таким образом, в составе рассматриваемого преступного деяния можно выделить следующие отличительные объективные и субъективные признаки: 1) заведомо ложные показания (обвинения); 2) корыстную цель; 3) достижение поставленной цели посредством использования в сфере правосудия властных функций вопреки их предназначению и в нарушение установленных принципов.

Можно предположить, что анализируемый *corpus delicti* подпадал под правовое регулирование нескольких статей Судебника 1550 г. В этих

статьях речь шла о неправосудии, в том числе корыстного, коррупционного характера.

Согласно статье 3 Судебника, «а которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возьмет и обвинит не по суду, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначей, или на дьяке взята исцов иск, а пошлыны царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток и пожелезное взята втрое, а в пене, что государь укажет». Как видно, здесь законодатель устанавливал конкретную меру наказания для должностного лица, уличенного в неправосудии. Согласно тексту статьи, чиновник должен быть уличен в том, что получил «подарок» («посул») в обмен на неправосудное решение, после чего с него должны быть взысканы в тройном размере сумма иска и судебные пошлины [10, с. 97].

Создается представление о выраженной правительственной политике по борьбе с коррупцией в административно-судебном аппарате. При этом анализ последующих статей Судебника показывает, что более жесткие меры ответственности применялись к нижестоящим должностным лицам. Тогда как верхний эшелон судебных чиновников мог вполне обойтись штрафом (мы не имеем достоверных сведений, насколько часто срабатывала оговорка статьи 3 Судебника «а в пене, что государь укажет»). Достаточно наглядной в данном случае являлась санкция статьи 5 Судебника: «Подьячий, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем» [10, с. 97]. Указанное наказание разительно отличалось от штрафа в отношении боярина или дьяка. Между тем вполне очевидно, что общественная опасность действий коррумпированного чиновника высшего звена представляется гораздо более высокой.

Еще более строгому наказанию подлежало ложное или недоказанное обвинение должностного лица в неправосудии. Статья 6 Судебника гласила: «А кто виноватой солжет на боярина... а обыщется то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, бити кнутьем, да вкинути в тюрьму» [10, с. 97–98].

Названные статьи носят общий характер, касаясь как интересующего состава ложных обвинений в сфере правосудия с целью завладения чужим имуществом, так и других преступных деяний. Статья 53 Судебника затрагивала значительно более узкий круг правоотношений, будучи посвященной конкретной ситуации сговора должностного лица с преступником: «А пошлют которого неделщика имати татей или разбойников, и ему имати татей и разбойников безхитростно, а не норовити ему никому; а изымав ему татя или разбойника, не отпустити, ни посулов не взяти; а опричных ему людей не имати. А поноровит которой неделщик татю или разбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет» [10, с. 107]. Здесь мы видим несколько эле-

ментов описанной выше схемы совершения анализируемого преступления: 1) должностное лицо вступает в сговор с преступником; 2) присутствует корыстный интерес должностного лица, в данном случае он получает от преступника «посул»; 3) совершение совместно вторичного преступления – заведомо ложное обвинение постороннего лица, не имеющее никакого отношения к расследуемому преступлению («опричные люди»).

Сопоставление сведений о ложных обвинениях в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества, которые содержатся в уставных грамотах и сообщениях иностранцев о России XVI в., с теми сведениями, которые содержатся в Судебнике 1550 г., позволяет сделать следующий вывод. Статья 53 Судебника описывает ограниченный круг противоправных деяний, которые охватывались рассматриваемой разновидностью коррупционных преступлений. Ложное обвинение в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества может быть выделено как самостоятельная форма коррупции на основе, во-первых, вышеуказанных публично-правовых актов и других источников, весьма определенно конкретизирующих и помещающих анализируемое корыстное поведение в ряду коррупционных правонарушений, во-вторых, таких отличительных признаков, как наличие корыстного интереса и достижение этого интереса посредством использования властных функций в сфере правосудия вопреки их предназначению и в нарушение установленных принципов и пр.

Сказанное позволяет поставить на осуждение вопрос о заведомо ложном обвинении в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества как о конкретно-исторической форме коррупции, описанной в московском средневековом праве XVI в.

Библиографический список

1. Безверхов А. Г. Историко-правовые основания антикоррупционной политики // Права человека и гражданина: конституционные идеалы и современные проблемы реализации: материалы и доклады XIII Международной научно-практич. конф. (Самара, 28 сентября – 1 октября 2017 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 72–75. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Prava-cheloveka-i-grazhdanina-konstitucionnye-idealy-i-sovremennye-problemy-realizacii/ISTORIKOPRAVOVYE-OSNOVANIYa-ANTIKORRUPCIONNOI-POLITIKI-73594/1/ilovepdf.com-72-75.pdf>.
2. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходелательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. 571 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/vzyatochnichestvo-i-lihodatelstvo-v-svyazi-s.html>.
3. Есипов В. В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. Изд. 2-е, пересм. и доп. М., 1904. 108 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/prevyshenie-i-bezdeystvie-vlasti-po-russkomu.html>.
4. Муравьев Н. В. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юридический вестник. 1879. Т. 2. С. 575–603. URL: <http://lawlibrary.ru/article1126531.html>.

5. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1912. 499 с. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3668>.

6. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

7. Грамота уставная, данная Соли Переславской посадским людям 11 августа 1555 г. // Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. № 5. С. 110–113. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349353>.

8. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. 256 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349353>.

9. Штаден Г. Страна и правление москвитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 380–430. URL: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html>.

10. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 97–129. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

References

1. Bezverkhov A. G. *Istoriko-pravovye osnovaniya antikorrupcionnoi politiki* [Historical and legal reasons of anticorruption policy]. In: *Prava cheloveka i grazhdanina: konstitutsionnye idealy i sovremennye problemy realizatsii: materialy i doklady XIII Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (Samara, 28 sentyabrya – 1 oktyabrya 2017 g.)*. Pod red. V. V. Polyanskogo, V. E. Volkova [Rights of man and citizen: constitutional ideals and current problems of implementation: proceedings and reports of the XIII International research and practical conference (Samara, September 28 – October 1, 2017)]. V. V. Polyansky, V. E. Volkov (Eds.). Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2018, pp. 72–75. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/Prava-cheloveka-i-grazhdanina-konstitutsionnye-idealy-i-sovremennye-problemy-realizatsii/ISTORIKOPRAVOVYE-OŠNOVANIYA-ANTIKORRUPCIONNOI-POLITIKI-73594/1/ilovepdf_com-72-75.pdf [in Russian].

2. Shiryayev V. N. *Vzlyatochnichestvo i likhodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnykh prestupleniyakh. Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie* [Bribery and embezzlement in connection with the general doctrine of malfeasance. Criminal law research]. Yaroslavl, 1916, 571 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/vzlyatochnichestvo-i-likhodatelstvo-v-svyazi-s.html> [in Russian].

3. Esipov V. V. *Prevyslenie i bezdeistvie vlasti po russkomu pravu. Izd. 2-e, peresm, i dop.* [Excess and inaction of the authorities in the Russian right. 2nd edition, revised and enlarged]. M., 1904, 108 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/prevyslenie-i-bezdeystvie-vlasti-po-russkomu.html> [in Russian].

4. Muravyov N. V. *Ob ugolovnom presledovanii dolzhnostnykh lits za prestupleniya po sluzhbe* [On criminal prosecution of officials for service crimes]. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Gazette], 1879, Vol. 2, pp. 575–603. Available at: <http://lawlibrary.ru/article1126531.html> [in Russian].

5. Poznyshch S. V. *Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyi ocherk vazhneishikh otdelov osobennoi chasti starogo i novogo Ulozhenii. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [The special part of Russian criminal right. A comparative sketch of the most important sections of the special part of the old and new Codes. 3rd edition, revised and enlarged]. M., 1912, 499 p. Available at: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3668> [in Russian].

6. Ospennikov Yu. V. *O raznobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On the variety of forms of corruption offenses in Moscow State of the XVI century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

7. *Gramota ustavnaya, dannaya Soli Pereslavskoi posadskim lyudyam 11 avgusta 1555 g.* [Charter given by Salt Pereslavl to tradespeople on August 11, 1555]. In: Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Spelling letters and zemstvo charters of the Moscow state]. M., 1895, no. 5, pp. 110–113. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1349353> [in Russian].

8. Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Spelling letters and zemstvo charters of the Moscow state]. M., 1895, 256 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1349353> [in Russian].

9. Shtaden G. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [Country and government of Muscovites (German life-guardsman's notes)]. In: *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memoirs of foreigners]. Smolensk, 2003, pp. 380–430. Available at: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html> [in Russian].

10. *Sudebnik 1550 g.* [Code of Laws of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M., 1985, pp. 97–129. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].